

плотник легко могли исправить и починить машину. На двух выставках – Симбирской и Казанской – изделия его удостоились золотых медалей. Двор его заведения при нашем осмотре был уставлен самыми разнообразными орудиями. Более всего обратили на себя внимание почвоуглубитель и машина, отделяющая куколь от хлебных зерен, изобретение которой вполне принадлежит Зотову.

Вечером в часу 7-м, Великий Князь поехал на рысистые бега и заехал еще по пути в земскую случную конюшню, учрежденную в Симбирске в 1844 году. В ней находится в настоящее время 31 жеребец, из которых 4 рысистых, 19 упряжных и 8 верховых. Жеребцы этих пород: рысистой, английской, арабской, донской, першеронской, арденской и битюгской. Часть их ежегодно – с февраля по 20 июня – находится на нескольких случных пунктах, назначаемых по всей губернии.

Рысистые бега устраиваются в Симбирске Обществом рысистого бега два раза в год: летом и зимой. Сюда привозятся к этому времени лошади из Самарской, Пензенской и Симбирской губерний. Немедленно за приездом Великого Князя началась выставка крестьянских лошадей и жеребят от жеребцов земской Симбирской случной конюшни. Великий Князь раздавал сам похвальные листы и наградные деньги. После выставки начался рысистый бег, но ни одна лошадь не выполнила задачи, установленные правилами Общества, и не пробежала в установленное время установленного пространства. Затем начался троичный бег, и у народа, огромной толпой опоясывавшего круг, точно все жилы заговорили. Зрелище кончилось скачкой лошадей и всадников всех возможных пород и народностей. Нельзя было удержаться от смеха, глядя на эту разношерстную, не званую и не прошеную когорту всадников, которая непрерывно пребывала численностью, потому что народу являлось множество. Тут были и татары, и мещане симбирские, и прочий люд. Но вот их сравняли, и с гиком понеслись они по кругу, сопровождаемые громкими кликами народа. Это зрелище кончилось было весьма плачевным случаем, к счастью, однако, не имевшим дурных последствий. Сначала скакали эти доморощенные джигиты довольно ровно, но уже на втором круге они сблизились и, вместо того чтобы скакать по одному данному направлению, некоторые из них заскакали в середину. Удержать их не было никакой возможности, и когда на третьем круге несколько человек скакали уже друг напротив друга, то нельзя было не опасаться за последствия. И действительно, не прошло двух минут после появления двух других скачущих напротив друг друга татар, как послышался удар, от которого все мы невольно вздрогнули. Взвилось облако пыли и грянулись оземь обе лошади с седоками. Великий Князь бросился вниз и послал тотчас же узнать на месте о людях, туда же побежал доктор Его Высочества и через несколько минут вынесли на руках 12-летнего мальчика-татарина. Другой всадник сам вскочил на ноги и остался невредим. Мальчика принесли в комнату, положили, и с помощью холодной воды он скоро пришел в себя, а через четверть часа уже свободно говорил и жаловался только, что ушиб немало колена. Дурных последствий не было. Он от-

делался легким ушибом и тотчас был отдан брату и отцу. Одна лошадь сломала ногу, другая – осталась невредима.

В воскресенье, 14-го июля, Его Высочество слушал обедню в соборе. Симбирский большой собор принадлежит к зданиям новейшей архитектуры. Он построен дворянством в память об освобождении России от нашествия неприятеля в 1812 году. Старее этого храма – теплый собор, построенный на месте древней церкви, существовавшей с основания Симбирска. Ни в том ни в другом храме нет достопримечательных древностей.

В Симбирске вообще нет древних зданий, и сам город, сравнительно говоря, принадлежит к числу молодых городов. Он основан в 1648 году по плану боярина и оружейного Богдана Матвеевича Хитрова для ограждения здешнего края от набегов татар и инородцев. Память о боярине – основателе города, до сих пор еще не забыта в Симбирске и в некоторых дворянских семействах сохраняются старинные вещи и оружие, ему принадлежавшие. Некоторые из этих вещей – пищали, ковши отличной работы – были собраны к приезду Его Высочества и поставлены в кабинет к нему.

Наконец подошел вечер, о котором так долго думали и к которому столько готовились в Симбирске. Вечер этот удался вполне. Симбирское дворянство желало сделать свой бал по возможности интересным и оживленным для дорогого гостя. И, конечно, желание это было искреннее. Праздники, как все на свете, имеют судьбу свою: судьба этого праздника была счастливая. Бал симбирского дворянства, по общему отзыву, был таков, какие не часто бывают и в Петербурге. Всем без исключения было на нем весело, все без исключения остались им довольны, все вынесли с собой самые приятные впечатления. Какой судьбы счастливее этой можно желать для бала.

Было какое-то одушевление и единство в чувстве, которое связывало всех присутствующих на этом вечере. В числе наших симбирских знакомых были такие, которые бегают как от чумы от всякого бала, которым бальная атмосфера противна. Мы наблюдали за ними: и их во весь вечер не покидала веселая, довольная улыбка, и они без всякой задней мысли искали, кому бы сказать, как хорош нынешний вечер, и они остались до конца, и покидали бал с некоторым сожалением.

К 10 часам вечера осветилось разноцветными огнями все здание Симбирского дворянского собрания. Внизу лестницы Его Высочество был встречен губернским предводителем дворянства Ермоловым со всеми дворянами, которые и проводили его вверх по лестнице. Наверху, у дверей залы, ожидали дорогого гостя дамы с букетами в руках и проводили в залу. Залом и убранством его нельзя было налюбоваться. Есть без сомнения в других городах залы более обширные и пышнее отделанные, но симбирская зала Дворянского собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая, плафон отделан тоже белой лепной работой, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других залов, мы были поражены видом этого, и всякий пожелал

узнать имя его строителя. Оказалось, что строитель его архитектор Бенземанн, тот же самый, что строил около Карамзинской площади, недавно возобновленную церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя внимание Великого Князя при самом въезде в Симбирск – оригинальностью и красотой рисунка. Зала, сама по себе изящная, была убрана с большим вкусом цветами, особенно замечателен был по искусному сочетанию зелени и цветов бордюр около портрета Государя Императора, на боковой стене зала.

Бал начался польским: его открыл Великий Князь с главной хозяйкой бала, супругой губернского предводителя. За польским начались по обычаю контрдансы, и в течение трех часов один танец сменялся другим почти без перерыва. Всеми танцами дирижировал весьма удачно ардаатовский уездный предводитель г. Потемкин. Со всех концов залы можно было видеть высокую фигуру его в мундире и слышать его громкий голос. Государь Наследник участвовал почти во всех танцах к неописанной радости дам, хозяев бала и целого общества. Мы не без удивления смотрели на прекрасную половину симбирского общества: сколько тут было красоты и свежести! Самые взыскательные кавалеры признавались, что в этом отношении симбирский бал мог поспорить с любым столичным. Тоже замечание относилось к изяществу и свежести туалетов. В числе дам были и такие, для которых давно уже прошла пора танцев, которым на балу остается только переживать его памятью, любясь на дочерей и даже на внуков. К числу дам самых почтенных по годам и по уважению всего симбирского общества, должно отнести госпожу Столыпину, давно оставившую свет и только ради Наследника Цесаревича появившуюся в бальном зале, где ее внучки привлекали к себе всеобщее внимание. Ее присутствие было оценено и замечено всеми, и сам Государь Наследник пожелал представиться почтенной старушке.

Уже во втором часу ночи окончились танцы. Музыка гротфатера в последней мазурке заставила многих пожалеть, что время прошло очень скоро, и что приходит конец бальному очарованию. Симбирские дворяне, вполне благодарные высокому посетителю за его искреннее участие, обступили его вокруг и с громкими восторженными криками пили за его здоровье. Он отвечал сердечным словом на приветствия, которые шли, несомненно, от горячих русских сердец, соединившихся в одном чувстве, и на тосты, предложенные губернским предводителем за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и Цесаревича. Это была хорошая минута. Собравшиеся на прощание около своего гостя дамы, спустились вслед за ним вниз на выезд, и провожали его приветствиями и пожеланиями доброго пути.

Светало уже совсем, когда мы возвращались домой с бала, совершенно довольные своими впечатлениями. Едва успев отдохнуть, в 9-м часу утра мы уже ехали к пристани. Пристань в эту минуту была очень красива и казалась живым цветником. На этой же пристани рядом с нарядными дамами с букетами цветов стояли простые женщины, те, что дожидались по целым часам у подъезда его кварти-

ры, куда он выйдет и пройдет мимо. Они не имели случая видеть его вблизи и говорить с ним, но их лица были так же радостны и сияли такой же улыбкой. На одну из них мы долго смотрели: конечно, не думая о том, что ее замечают, стояла она в самом углу и со слезами на глазах смотрела вслед Великому Князю и крестила его дорогу, и губы ее двигались и шептали ему, конечно, напутственную молитву.

От Симбирска вид берегов, а лучше сказать правого берега Волги, становится характернее: он окаймлен почти сплошь высокими горами, поросшими лесом, изредка в лощинах попадаются деревни, но за ними опять тянется дикое и крутое побережье. Волга заметно становится шире и глубже.

Под Сенгилеем показался впереди нас пароход: это был пароход на котором в тот же день в 6 часов отправились из города симбирские дворяне, чтобы встретить на дороге и проводить Великого Князя. Поравнявшись с нашим, пароход остановился. Музыка на палубе заиграла народный гимн, и по окончании его громкое «Ура!» раздалось с их парохода, перешло на наш и отозвалось на берегу под Сенгилеем и на судах, стоявших около пристани».

В 1864 великий князь поехал за границу. Во время пребывания за границей 20 сентября 1864 года – в день его рождения, когда ему исполнился 21 год – Николай Александрович был помолвлен с дочерью Христиана IX, короля датского, принцессой Дагмар (1847 – 1928), впоследствии ставшей супругой его брата, императора Александра III. Однако в путешествии по Италии Цесаревич неожиданно для всех заболел. С 20 октября 1864 г. он лечился в Ницце. Весной 1865 г. его состояние начало ухудшаться. 10 апреля 1865 г. в Ниццу прибыл Александр II. Ночью 12 апреля великий князь скончался от туберкулезного менингита.

А.В. Никитенко, автор знаменитого дневника, писал: «Грустно, очень грустно, особенно когда подумаешь, что жизнь этого благородного, много обещавшего для России юноши... могла бы быть сохранена, если бы пестуны его... побольше заботились о его физическом состоянии».

Тело скоропостижно скончавшегося наследника престола принял фрегат «Александр Невский», который держал путь к родным берегам. Одним из тех, кто находился на фрегате в эти скорбные дни, был П.А. Вяземский. Поэт посвятил этому траурному плаванию стихотворение «Вечером на берегу моря», в котором он воздает должное нравственному облику уснувшего вечным сном Цесаревичу Николаю:

Плывет Он к берегу родному,
Где Он расцвел и возмужал,
Где в тайне подвигу святому
Себя в грядущем обрекал.

Где был Он радостью семейной,
Надеждой Царства Своего,
Где Мать мольбой благоговейной
Молила Промысл за Него –

Чтоб лучших благ хранил залогом
Он веру, мудрость, кроткий нрав,
Чтоб был и чист Он перед Богом,
И перед каждым ближним прав.

Федор Иванович Тютчев откликнулся сразу же, 12 апреля, на это поразившее всех известие стихотворением «На кончину Е. И. В. Государя Наследника Николая Александровича».

На мой взгляд, самым сильным по эмоциональному воздействию является стихотворение симбирского поэта Дмитрия Петровича Ознобишина «Роковая весть», написанное в апреле 1865 г. Само название говорит уже о неотвратимости свершившегося, о невозможности что-то изменить. Ведь совсем недавно Дмитрий Петрович встречал Наследника в Симбирске, написав об этом знаменательном событии очерк «Пребывание Государя Цесаревича Николая Александровича в Симбирске в 1863 г.». Все затмила эта страшная весть: «При вести сей взрыдали миллионы!..».

Памятник цесаревичу Николаю Александровичу. Ницца

Свершилось!.. во цвете лет почил
Великий Князь полуночной державы!..
Он ангел наш, кто всем благотворил
И чей бы век был полон дивной славы!..
Мы ждали все, стремясь на Юг душой,
О нем*мольбы всечасно воссылая:
Вот явится с невестой молодой!..
И вдруг нас весть сразила роковая!

Об уме, высоких душевных качествах великого князя поэт знал от своего пансионского одноклассника и друга В.П. Титова, одного из воспитателей Наследника. Ознобишин сумел показать нравственный образ цесаревича, оставившего о себе светлую память:

Невольно всех сердца к себе он влек,
К нему неслись людей свободных клики,
В нем каждый зрел благ будущих залог,
Надеждою сияли всюду лики!..

Стихотворение исполнено искреннего сострадания к судьбе наследника престола, оно передает огромную душевную скорбь, безутешное горе, которыми проникнуты сердца русских людей. Поэт скорбит вместе со всей Россией, утверждая:

Свой путь земной свершал он скоротечно,
Но, плачущий с Царицей, твой народ,
Молясь, Его не позабудет вечно.

В эти горестные для всей России дни П.А. Вяземский напишет очерк «Вилла Бермон»: «...Ницца встретила наше русское горе теплым и единоклассным участием. Стоя на дежурстве в церкви при гробе в Бозе почившего Цесаревича, я видел не однаж-

ды, как жители всех званий и всех возрастов приходили благоговеино поклониться гробу: как французские солдаты тихо подходили, отдавали по-своему воинскую честь, осенялись христианским крестом, с умилением вглядывались в черты молодого покойника и с грустным выражением на лице почтительно выходили из церкви. Не только в домах, но и на улицах, везде были слышны речи о печальном событии, сетовали о бедном Родителе, о бедной Матери, о бедном Юноше, которого ожидала unedesplusbellescoronnesdumonde (одна из прекраснейших корон в мире). Собственные слова женщины простого звания, слышанные мною на улице.

Царское семейное горе было семейным горем и всем Русским. Отношения державные и отношения частные явились здесь во всей своей взаимности и во всей простой и глубокой истине. Ницца все это

видела, могла оценить и, без сомнения, оценила в этом случае нравственно-народную и духовную силу России. Должно нам оставить ей и на будущее время памятник того, чему она была свидетельницей. Надобно, чтобы вилла Бермон была русскою собственностью, освященной памятью и любовью к усопшему цесаревичу, и богоугодным назначением».

В Ницце всегда чтит память Цесаревича. Уже в 1866 г. на вилле Бермон была построена мемориальная часовня, а прилегающая улица вскоре была переименована в бульвар Царевича (boulevard Tzarewitch).

В 1903 – 1912 гг. архитектором М.Т. Преображенским был выстроен в лучших русских традициях пятиглавый Свято-Николаевский собор в память о великом князе – красивейший православный храм за пределами России.

19 декабря 2012 года, в день 100-летнего юбилея освящения собора свт. Николая, в Ницце был открыт памятник цесаревичу Николаю (автор – скульптор Александр Бурганов).

«Этот бюст будет напоминать о неразрывной связи России и Ниццы, о тесной российско-французской дружбе», – отметил первый вице-мэр Ниццы Бенуа Кандель. Заместитель градоначальника напомнил присутствующим, что Ницца – «самый «русский» город во Франции, который для многих русских людей стал «малой родиной» – наряду с великой родиной Россией».

Но будет жить, как светлый идеал
Всех доблестей, в веках Порфирородный!
Так много он России обещал!
Так счастлив был любовью народной!